

Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 году

В. М. Панеях

20 марта 1953 г. Президиумом Академии наук СССР было признано целесообразным упразднить Ленинградское отделение Института истории (ЛОИИ) АН СССР; 20 апреля 1953 г. дирекция этого Института приняла решение ликвидировать свое отделение в Ленинграде. Возникает вопрос: была ли эта акция закономерным этапом в политике партии по отношению к науке вообще, гуманитарным ее отраслям в частности?

Уже в 1918 г. Наркомат народного просвещения Союза коммун Северной области выступил с инициативой ликвидировать Академию наук и подобные учреждения как «совершенно ненужные пережитки ложно-классической эпохи развития классового общества»¹.

На одну из причин начавшегося сразу после Октябрьской революции преследования Академии наук указал в 1923 г. ее вице-президент В. А. Стеклов: «Зависть к успехам академии процветает в низших слоях так называемого ученого мира, особенно московского ... Эта зависть творит клевету и злословие»².

В 1926 г. М. Н. Покровский настаивал: «Должны быть перебраны одно за другим все учреждения, входящие в состав Академии, и относительно каждого должен быть поставлен вопрос: нужно ли оно?.. Нужно ли радикально реорганизовать, и в смысле личного состава и в отношении программы занятий, гуманитарное отделение Академии, или вовсе его прикрыть. С точки зрения экономии сил и средств последнее, конечно, было бы правильнее». Альтернатива, предложенная заместителем наркома просвещения, руководителем Коммунистической академии и Института красной профессуры, обосновывалась тем, что ученые в Академии наук «остались тем, чем были при царях», — а не стали строителями «социалистической культуры и социалистического общества»³. Особенно яростным нападкам Покровский подверг Музей антропологии и этнографии, Пушкинский Дом, Словарную комиссию и Археографическую комиссию. Все эти научные учреждения, как и Академия наук, находились тогда в Ленинграде.

Вместо предложенного Покровским «перебора» отдельных учреждений Академии наук был взят курс на огосударствление и большевизацию (по официальной терминологии — «окоммунизацию») по отношению ко всем учреждениям, где работали старые специалисты. В 1927 г. Совнарком СССР

Панеях Виктор Моисеевич — доктор исторических наук, зав. отделом древней истории России С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН.

утвердил первый советский устав АН СССР, в январе—феврале 1929 г. в результате беспрецедентного ведомственного давления и газетной травли в ее состав была введена (хотя формально и путем выборов) группа членов партии, сразу же занявшая в ней руководящие посты. Параллельно шла чистка аппарата Президиума Академии наук.

Тогда же органы ОГПУ состряпали «академическое дело» (в печати его также называли «академическим делом Платонова—Тарле», «делом четырех академиков»). Были арестованы в 1929—1930 гг. более 115 историков, музееведов, краеведов, архивистов, этнографов, включая четырех академиков, нескольких членов-корреспондентов АН, сотрудников академических учреждений, работников ее аппарата. В 1931 г. во внесудебном порядке («тройка» Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе и коллегия ОГПУ) ряд арестованных был приговорен к ссылке, а большинство получило разные сроки заключения в лагерях; были и расстрелы⁴.

Для исторической науки эта акция означала устранение из нее крупных ученых старших поколений, получивших образование до октября 1917 г., и ликвидацию тем самым так называемой буржуазной науки в расчете на создание советской исторической науки силами выучеников Коммунистической академии и институтов красной профессуры. Часть репрессированных ученых погибла в лагерях и ссылках, часть не вернулась к своей профессиональной деятельности. Те, кто уцелел и сумел вернуться в науку, поплатились не только здоровьем и тем, что многие из них до конца жизни подвергались преследованиям, но и моральной травмой, которая не позволяла им в полной мере использовать свой научный потенциал: все они жили под страхом новых арестов и высылки.

Особенно тяжелый удар был нанесен по коллективу ленинградских историков, поскольку большая часть арестованных была ленинградцами (из четырех арестованных академиков ими были трое — Н. П. Лихачев, С. Ф. Платонов и Е. В. Тарле). В лагерях и в ссылке оказалось подавляющее большинство представителей петербургской школы историков, которая сформировалась во второй половине XIX в. и наиболее полно воплотилась в университетском и академическом коллективах, сложившихся окончательно в десятилетие между революциями. А. Е. Пресняков определил ее характерную черту как «научный реализм, сказывавшийся прежде всего в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту вне зависимости от историографической традиции», в восстановлении прав источника и факта, получающих более полное и существенное значение вне подчинения их анализа какой-либо заранее установленной схеме, вне социологического догматизма, вредящего критическому отношению к источникам⁵.

Петербургская школа противопоставлялась Пресняковым московской, по природе своей более идеологической, схематизирующей, у которой «материал, почерпываемый из первоисточников, не играл подобающей ему существенной роли»⁶. Дело было также в различном, как отметил С. В. Чирков, «отношении историков к письменному памятнику и источнику и тех корнях исследовательской методики, которую можно обозначить как культуру исследования». При этом тщательно документированное изложение трудов петербуржцев, «где слово "не от источника" расценивалось как слово от лукавого», противостояло намеренному затуханию историками-москвичами, особенно В. О. Ключевским, «огромной предварительной работы над источником». Художественно-исторический синтез москвичей противостоял скрупулезному документальному анализу петербуржцев⁷.

Сочетание петербургской и московской школ придавало необходимое единство русской исторической науке, сохранявшей, несмотря на утраты конца 10-х—начала 20-х годов (от эпидемий и голода, эмиграции, начавшихся арестов), свой творческий потенциал. Разумеется, обе эти школы в целом не имели ничего общего с генерацией марксистских историков, взлелеянных учебными заведениями и научными учреждениями, создан-

ными под эгидой Покровского. После обескровливания московской школы и разгрома ленинградской именно это поколение выходит на авансцену и начинает определять направление развития советской исторической науки даже после дискредитации школы Покровского в середине 30-х годов.

Академическая часть ленинградских историков в первое десятилетие советской власти группировалась первоначально в Археографической и Постоянной исторической комиссиях, затем, после их слияния (1926 г.), — в Постоянной историко-археографической комиссии. Именно ее Покровский стремился ликвидировать прежде всего, заменив Комакадемией⁸. С 1925 г. в Ленинграде при Академии наук существовал также Музей палеографии (в 1930 г. преобразован в Музей книги, документа и письма). Когда председатель Археографической комиссии Платонов и директор Музея книги, документа и письма Лихачев после следствия, длившегося более года, отправились в ссылку (1931 г.), возглавлявшиеся ими учреждения были преобразованы соответственно в Историко-археографический институт и в Институт книги, документа и письма.

В начале 1936 г. путем слияния Историко-археографического института с Институтом истории Комакадемии создается Институт истории АН СССР, сразу переведенный в Москву. В Ленинграде же в марте 1936 г. создается небольшое по численности отделение Института истории, куда влились также Институт книги, документа и письма и Институт истории Ленинградского отделения Комакадемии. Примерно в то же время в Ленинграде прекратили свое существование все периодические издания по истории. Так завершилась «окоммунизация» исторических учреждений Академии наук, а обескровленная ленинградская школа историков попала в полное подчинение функционеров ЦК ВКП(б).

И все же, несмотря на репрессии, преследования и проработки в печати, эта школа историков полностью не угасла. В ЛОИИ продолжали работать академики Н. С. Державин, С. А. Жебелев, В. В. Струве и Е. В. Тарле, ряд других ученых, к ним подключились их ученики. Именно в небольшом коллективе ЛОИИ вскоре после окончания войны были подготовлены такие труды, как второй том академического издания «Правды Русской», «Судебники XV—XVI вв.», «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», монографии «Восстание Болотникова» И. И. Смирнова, «Очерки дипломатической истории русско-японской войны» Б. А. Романова, «Геродот» С. Я. Лурье, и др.

Эти достижения не стали, однако, препятствием для начавшейся с конца 1948 г. травли ленинградских ученых старшего поколения, являвшихся носителями традиций петербургской школы. Истерическая кампания по искоренению буржуазного объективизма, космополитизма, «охота на ведьм», идеологические проработки затронули не только ленинградских историков. Но в отношении к ленинградцам сказывались давнее недоброжелательство и подозрительность властей. «Ленинградское дело» конца 40-х—начала 50-х годов было результатом этой подозрительности.

Травля ленинградских историков принимала различные формы. Появилась серия статей (В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнина и др.), призванных дискредитировать давно ушедших из жизни корифеев петербургской школы А. А. Шахматова, А. С. Лаппо-Данилевского, А. Е. Преснякова и др., а также здравствовавших ее представителей — С. Н. Валка, Б. А. Романова, С. Я. Лурье, А. В. Предтеченского. Выдвигались обвинения в противопоставлении Ленинграда Москве. Оно усматривалось, например, в самом признании факта существования петербургской школы, в стремлении выпятить роль Петербурга—Ленинграда в истории страны. Борьба с этими проявлениями «сепаратизма» приобретала порой курьезные формы⁹.

В 1950—1952 г. в ЛОИИ прошла серия увольнений, мотивированных главным образом «непригодностью» для работы в Академии наук по политическим соображениям. За два года было уволено около половины его научных сотрудников — 14 человек. Среди них оказались такие ученые старшего поколения, как В. Г. Гейман, С. И. Ковалев, Р. Б. Мюллер, С. Я. Лурье, О. Л. Вайнштейн, В. А. Петров, А. И. Болтунова, а также некоторые

молодые, например, О. А. Ваганов. Чистки эти велись под флагом борьбы с космополитизмом и с теми, «кто равнодушно относится к борьбе с враждебной идеологической системой, кому чужды основные задачи, стоящие перед советской наукой»¹⁰.

В результате было признано, что произошло «укрепление... коллектива Ленинградского отделения», поскольку принятые взамен уволенных сотрудники были моложе и, главное, «работают в области истории советского периода»¹¹. Из Ученого совета ЛОИИ были выведены такие ученые, как А. И. Молок, И. П. Петрушевский, С. И. Ковалев, А. Ю. Якубовский, У. А. Шустер, после чего в нем образовалось «партийное ядро в 7 человек» (из 16), и он мог «лучше контролировать и руководить научной работой». Все эти меры квалифицировались как «положительная работа по освежению кадров»¹².

Новый натиск на историческую науку начался с выступлений М. Д. Багирова и Ж. Шаяхметова на XIX съезде партии: журналу «Вопросы истории» и Институту истории были поставлены в вину ошибки при освещении национальных проблем. «Вопросы истории», утверждал автор статьи в партийном журнале¹³, внесли путаницу в проблемы «отнюдь не дискуссионные, давно решенные марксистско-ленинской наукой». Следствием этих нападок стало образование в начале 1953 г., согласно указанию ЦК партии, комиссии во главе с философом Ц. А. Степаняном для обследования Института истории с последующим обсуждением отчета о его работе на заседании Президиума АН СССР. Одновременно Отдел экономических и исторических наук и вузов ЦК КПСС проводил собственную проверку работы Института истории. По ее итогам Секретариатом ЦК КПСС была образована комиссия во главе с М. А. Сусловым для подготовки и внесения в ЦК предложений «о мерах улучшения работы Института»¹⁴.

Институту истории ставилось в вину, что он не возглавил советских историков «в деле перестройки научной работы», что в нем «наблюдается стремление уйти от разработки и освещения актуальных проблем исторической науки», наконец, что допущены «серьезные ошибки в деле подбора, расстановки и подготовки кадров». В результате Институт оказался засоренным «людьми, политически сомнительными», исключенными «из партии за политические ошибки», привлекавшимися «в прошлом к судебной ответственности за антисоветскую деятельность», «примыкавшими ранее к меньшевикам, эсерам, бундовцам и др. враждебным партиям и группам»¹⁵.

В Институте к тому времени назрел внутренний кризис, вызванный сначала тяжелой болезнью, а затем уходом с много лет занимаемого поста директора акад. Б. Д. Грекова. А. Л. Сидоров, только что назначенный заместителем и вскоре ставший исполняющим обязанности директора, и член ЦК КПСС член-корр. АН СССР А. М. Панкратова в письме от 17 февраля 1953 г. секретарю ЦК Суслову и Румянцеву выдвинули программу, призванную выправить положение. Походя коснувшись перестройки плана работы, предусматривающей подготовку трудов по таким «актуальным проблемам», как «Вопросы исторической науки в свете гениального труда товарища Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР"», «Сталинская мирная политика» и «Борьба с англо-американскими фальсификаторами исторической науки», они сосредоточили внимание на срочных мерах «по дальнейшему укреплению дирекции... и руководства важнейшими секторами».

Основным препятствием для «выполнения намеченных практических мероприятий» в письме было названо то, что «до недавнего прошлого дирекция целиком состояла из специалистов по ранним разделам истории феодализма». Авторы письма целили здесь лично в Грекова. За его спиной они просили направить в Институт в качестве заместителей директора работника Отдела науки ЦК Л. С. Гапоненко и зав. кафедрой Академии общественных наук при ЦК КПСС И. С. Галкина, а на должность заведующего сектором истории советского общества — тогдашнего главного редактора Госполитиздата Д. А. Чугаева. В тот же сектор намечалось

привлечь полковников Г. Н. Голикова и Г. В. Кузьмина¹⁶. В письме Президента АН СССР А. Н. Несмеянова и ее главного ученого секретаря А. В. Топчиева Суслову от 21 марта 1953 г. эти просьбы были поддержаны, поскольку, по мнению руководителей Академии, «институт недостаточно обеспечен квалифицированными, марксистски подготовленными кадрами», а «подбор сотрудников и подготовка кадров ... до самого последнего времени проходили неправильно: основное внимание уделялось укомплектованию кадрами секторов, занимающихся изучением древней истории, феодализма и средних веков»¹⁷.

Возможно, ввиду отсутствия Грекова, вышедшего из недр Ленинградского отделения Института истории и обычно оказывавшего ему поддержку, основной удар было решено нанести по ЛОИИ. Этот шаг был направлен и против самого Грекова. Ведь в феврале—марте 1953 г. в вину именно ему было поставлено то, что за два года до этого он возражал против увольнения из ЛОИИ Болтуновой и Геймана, которые, впрочем, по настоянию ЦК были все же уволены Президиумом АН СССР¹⁸.

Итак, в феврале 1953 г. партийно-бюрократическая машина начала свои действия с целью компрометации ЛОИИ как научного учреждения в целом, и его ведущих сотрудников в частности. ЦК затребовал справки о состоянии кадров в отделении. Одна из них, цитированная выше, подписана заместителем директора Института и секретарем партбюро ЛОИИ, вторая — начальником управления кадров АН СССР С. И. Косиковым¹⁹, третья — секретарем Ленинградского обкома КПСС Н. Казьминым²⁰. Из одной справки в другую переходила фраза о том, что «состав научных работников Ленинградского отделения Института истории» является «особенно неудовлетворительным»²¹.

Доминирующий мотив справок один: в ЛОИИ много сотрудников, которые «имели проступки против Советской власти», «не внушающих политического доверия», «непригодных в деловом и политическом отношении», «сомнительных в политическом отношении». Те же обвинения содержатся и в докладных записках Румянцева и Лихолата Маленкову; Румянцева и Ю. Жданова Пегову; секретарей ЦК КПСС Суслова, Михайлова, зав. отделом ЦК Румянцева, президента АН СССР Несмеянова и ответственного работника ЦК Лихолата Маленкову; Румянцева Шаталину.

Во всех этих документах фигурировали одни и те же имена. Речь шла об известных ученых. Доктор исторических наук К. Н. Сербина оказалась негодна тем, что в «мае 1938 г. как жена репрессированного В. Н. Кашина была арестована и приговорена к 3 годам в трудовом исправительном лагере», хотя «в ноябре 1938 г. освобождена»²². Разумеется, ничего не сказано в докладных о ее самоотверженности во время блокады Ленинграда, где она сохранила ценнейший архив ЛОИИ, за что была награждена орденом Красной Звезды. Доктор исторических наук Д. П. Каллистов в 1928 г. «был подвергнут аресту и высылке в административном порядке» «по делу философского студенческого кружка в ЛГУ», но «в дальнейшем за работу на Беломорстрое досрочно освобожден». Кроме того, он «в ряде своих работ стоял на марристских позициях». При этом было отмечено, что он «родственник акад. Б. Д. Грекова» и «родился в Варшаве»²³.

Доктор исторических наук Романов «в 1930 г. был арестован и осужден по т. н. "академическому делу" на пять лет» за участие в антисоветской организации «Всенародный союз борьбы за освобождение России» и «досрочно освобожден в 1933 г.»²⁴. Отмечено было и то, что в вышедшей в 1947 г. книге «Люди и нравы древней Руси» он представил «извращенное понятие о культуре Киевской Руси», а в феврале 1949 г. в ЛГУ на чествовании его в связи с 60-летием «дал ложную характеристику отношения общественности к старой профессуре»²⁵.

Кандидат исторических наук Ш. М. Левин, «будучи студентом, примыкал к взглядам интернационалистов», а согласно другой записке, «примыкал к меньшевикам-интернационалистам»²⁶. У доктора исторических наук Е. Э. Липшиц с 1928 г. в Париже «проживает ее дядя Карновский М. А.»²⁷. Доктор исторических наук Предтеченский то ли издавал «в 1918 г. газету

для Колчака», то ли «на территории, занятой Колчаком, занимался артистической деятельностью», а «в работах имел ошибки буржуазно-объективистского характера»²⁸.

Кандидат исторических наук А. И. Копанев «с 1941 по 1945 г. находился в плену у немцев», что соответствовало действительности, но в другом документе он обвинялся в том, что работал там переводчиком и, «выполняя поручения немецкой администрации..., собирал сведения и доносил немецко-фашистским захватчикам о советских гражданах, борющихся против оккупационного режима»²⁹. А это была уже клевета, поскольку Копанев не проходил даже через советские фильтрационные лагеря и никогда не обвинялся органами безопасности в предательстве, о чем на запрос из ЛОИИ был дан недвусмысленный ответ.

Что касается организационных выводов из факта «засорения кадров» ЛОИИ, то в этом вопросе обнаружили некоторые различия. Сидоров и Носов сообщали в ЦК: дирекция Института истории и партийная организация ЛОИИ, «учитывая эти данные биографий указанных сотрудников, но отмечая их деловые качества и научные труды, считают возможным в данное время использовать их на работе. В дальнейшем мы считаем целесообразным их постепенное замещение молодыми кадрами»³⁰. Секретарь же обкома Казьмин в письме Румянцеву ставит его в известность, что «руководству ЛОИИ... предложено в ближайшее время освободить от работы Копанева А. И.» (что сразу было исполнено) и просит заведующего отделом ЦК «поставить вопрос перед Президиумом АН СССР об освобождении от работы в ЛОИИ ... Сербиной, Левина, Романова и Каллистова»³¹.

Формулировка решения комиссии ЦК партии был придан, как водится, более бесцветный характер. В записке Сулова, Михайлова, Румянцева, Несмеянова и Лихолата Маленкову предлагалось, чтобы Президиум АН СССР «в оперативном порядке» принял «меры по укреплению дирекции института и его ведущих секторов»; ему поручалось «пополнить состав научных сотрудников квалифицированными работниками, в первую очередь по истории советского общества, освободив от работы в институте лиц, не отвечающих требованиям, предъявляемым к работникам Академии наук»³².

В записке Румянцева Шаталину сообщалось, что «Президиуму АН СССР (т.т. Несмеянову и Топчиеву) поручено принять оперативные меры по улучшению состава кадров и руководства Ленинградским отделением Института истории»³³. Однако омоложение кадров ЛОИИ, которое было произведено прежде (путем замены ранее изгнанных) и о котором одобрительно отзывались партийные инстанции, стало причиной того, что «значительная группа сотрудников» отделения «в течение длительного времени не дает печатных научных работ»³⁴.

На состоявшемся 20 марта 1953 г. заседании Президиума АН СССР был рассмотрен вопрос «О научной деятельности и состоянии кадров Института истории АН СССР». После доклада Сидорова, содоклада Степаняна и прений было принято постановление³⁵. В нем отмечалось, что «в целом работа Института истории не соответствует задачам, поставленным перед советской исторической наукой гениальными трудами И. В. Сталина и решениями XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза»; что в работах Института дается «неправильное освещение... прогрессивного значения присоединения нерусских народов к России, характера национальных движений»; что в Институте «нет должной бдительности по отношению к враждебным к марксизму-ленинизму концепциям и "точкам зрения", а, напротив, «имеет место терпимое отношение к идеологическим ошибкам».

Основной удар в постановлении наносился по ЛОИИ: «Особенно неудовлетворительным является состав научных сотрудников Ленинградского отделения Института истории. Несмотря на отчисление в последние два года значительного числа сотрудников, непригодных для работы в Академии наук СССР (Лурье, Мюллер, Гейман, Болтунова и др.), в Ленинградском отделении находится еще немало лиц, не отвечающих требованиям Академии наук СССР (А. И. Копанев³⁶, Б. А. Романов, О. М. Тонкова,

П. В. Соловьев и др.) ... Немногочисленные работы, подготовленные Ленинградским отделением, подверглись серьезной критике в печати (работы Валка, Предтеченского и др.). Большинство сотрудников Отделения имеет узкую квалификацию и не может быть использовано для разработки актуальных проблем исторической науки. Две трети сотрудников являются специалистами по истории феодализма и древнего мира».

Таким образом, ведущие ученые объявлялись не соответствующими академическим требованиям. Их квалификация — препятствием для решения актуальных научных задач. Выполненные в ЛОИИ работы опорочивались, хотя некоторые из их авторов были лауреатами Государственных премий. Неверным было определение доли специалистов по истории феодализма и древнего мира в составе ЛОИИ (она едва достигала половины).

Недобросовестной оценке положения в ЛОИИ соответствовало решение Президиума АН СССР: «В целях сосредоточения кадров и улучшения организации работы Института истории считать целесообразным упразднить Ленинградское отделение Института истории, оставив в г. Ленинграде лишь Архив Института». В статье, опубликованной по поручению ЦК КПСС, Панкратова, обосновывая это решение, утверждала: «В течение многих лет бесконтрольно и бесплодно работало Ленинградское отделение Института истории»³⁷.

Реализуя постановление Президиума АН СССР, дирекция Института истории на заседании 16 апреля 1953 г. решила «с 20 апреля с. г. ликвидировать Ленинградское отделение, предупредив всех сотрудников о предстоящей ликвидации». Из «бывшего ЛОИИ» на работе в Институте истории были оставлены, кроме Е. В. Тарле, И. И. Смирнов, В. В. Струве, М. П. Вяткин, М. В. Левченко, С. Н. Валк, С. С. Волк, Б. М. Кочаков, Н. В. Киреев, Э. Э. Крузе, Ш. М. Левин, Н. Е. Носов и И. А. Бакланова (со временным проживанием в Ленинграде). В отношении их было решено «считать необходимым в течение 1953 г. принять меры к переводу ... из Ленинграда в Москву».

В штат Архива «из бывшего ЛОИИ» переводились А. Г. Маньков, В. И. Рутенбург, Б. А. Романов, Г. Е. Кочин, Т. М. Новожилова и З. Н. Савельева. Из Института были отчислены Д. П. Каллистов, А. В. Предтеченский, К. Н. Сербина, М. Е. Сергеенко, В. Е. Бондаревский, М. С. Иванов, Е. Э. Липшиц, З. В. Степанов, Р. М. Тонкова, С. И. Луппов, А. В. Паевская, В. И. Садикова, В. Ф. Варфоломеева и Е. И. Маслова.

Так прекратил свое существование коллектив, немало сделавший для развития исторической науки. Чтобы отвести от себя гнев партийного начальства, руководство Академии и Института истории принесло в жертву целое научное учреждение. Ход дела не изменили даже события, связанные со смертью Сталина. Ведь все ленинградское в глазах высших партийных органов после «Ленинградского дела» все еще продолжало оставаться заведомо подозрительным.

Разгром академического учреждения ленинградских историков нанес ущерб всей отечественной историографии. Партийно-бюрократическая машина проехала по судьбам конкретных людей — ученых, лишившихся работы или, в лучшем случае, вырванных из сложившегося творческого коллектива. Упразднение ЛОИИ было результатом многолетней дискриминационной практики, направленной против ленинградской школы историков и академических учреждений, ее олицетворяющих. Политическая конъюнктура начала 50-х годов оказалась как нельзя более благоприятной для реализации этой политики.

Само собой разумеется, ликвидация ЛОИИ болезненно воспринималась его бывшими сотрудниками. Показательны в этом плане письма Романова друзьям и коллегам. «Начался новый период в судьбе Института истории, — писал он Е. Н. Кушевой, — да и исторической науки. Выражение "засилье грековской школы", думаю, надо переводить не дословно, смысл в том, что Б. Д., делая свое дело в области древностей, делая его успешно, поддерживал и кадры, которые несли работу в этой сфере, а что касается времен новых, то, не мешая, умывал руки и предоставлял другим (кому?)

делать это дело (и оно, конечно, не клеилось). Это умывание рук приводило и приводит в бешенство. И немудрено. Политика невмешательства не может почитаться у нас нейтральной. И вот результат! Но все же это явление не местное, а всесоюзное»³⁸.

Позднее, обращаясь к тому же адресату, Романов пишет: «В Ленинграде с научным производством в области истории дело покончено. Оно централизовано в Москве. Это вопрос общегосударственный, в частности, бюджетный, не нашему брату судить о целесообразности "упразднения" (уж очень знакомый термин выбран для обозначения того, что сделано с ЛОИИ: его очень любил покойный Михаил Евграфович) ... Мне кажется, что тут мы имеем довольно глубокие корни — растение, которое вышло наружу сейчас на историческом огороде, завязалось несколько лет назад в виде Академии общественных наук. К тому оно и предназначалось, чтобы сменить старую (советскую однако же!) "школу". Как Вы знаете, это — не первый опыт применения большого плуга. Это дорогостоящее удовольствие. Но мы же и живем в эпоху "экскаваторов". К тому же и момент (в конъюнктурном смысле) уж очень подходящий»³⁹.

В другом письме Кушевой Романов продолжает: «Решение о нашем учреждении носило открыто репрессивный характер и задумано было в этом плане давно. Оно рассчитано на физическое уничтожение здешних работников в порядке более или менее ускоренного доживания»⁴⁰. Осенью 1953 г. он как бы подытоживает свои размышления: «Тяжелая сторона была в том, что это факт — учреждение и коллектив убиты наповал и непоправимо»⁴¹. Наконец, тогда же он высказывается относительно обвинения ЛОИИ в бесплодии: «Ничего не изменится в наших здесь судьбах: мы прокляты и отлучены ни за что ни про что... по-видимому, к удовольствию избранных. Конечно, было бы хорошо, если бы на наших трупах выросли новые всходы в Москве. Но для этого надо верить в чудеса, к чему я с детства не приучен. Менделеевых там я не вижу. А что произойдет от охотников обвинять нас в бесплодии по случаю собственного бесплодия — сказать не берусь. Это уже дело будущих историографов — произвести итог происходящей смене двух "эпох"»⁴².

Лишь через год ошибочность административных санкций, направленных против ЛОИИ, была признана, и в начале 1956 г. отделение было восстановлено. Однако воссоздание его коллектива затянулось на многие годы — настолько велик был ущерб, нанесенный ему в 1953 году.

Примечания

1. Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области, 1918, № 6—8, с. 20.
2. СТЕКЛОВ В. А. Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. Л. 1991, с. 293.
3. ПОКРОВСКИЙ М. Н. К отчету о деятельности Академии наук за 1926 г. В кн.: Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.—СПб. 1992, с. 592, 586.
4. ПЕРЧЕНOK Ф. Ф. «Дело Академии наук». — Природа, 1991, № 4; его же. Академия наук на «великом переломе». В кн.: Звенья. Вып. 1. М.—СПб. 1991.
5. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Велико-русского государства». Пг. 1920, с. 6; его же. Образование Великорусского государства XIII—XV столетий. Пг. 1918, с. 25—26.
6. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Речь перед защитой, с. 6.
7. ЧИРКОВ С. В. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX—начала XX в. В кн.: Археографический ежегодник за 1989 год. М. 1990, с. 21—27.
8. Пять «вольных» писем В. И. Вернадского сыну. В кн.: Минувшее. Исторический альманах. Вып. 7. Париж. 1989.
9. Готовившееся в ЛОИИ многотомное исследование по истории города от его возникновения до современности было решено назвать «Очерками истории Ленинграда» — в отличие от «Истории Москвы», издававшейся в то же время.
10. Доклад зав. ЛОИИ М. П. Вяткина на общем собрании сотрудников ЛОИИ 12 марта 1953 г. (стенограмма хранится в делах ученого совета ЛОИИ).

11. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 133, д. 303, л. 147. Справка о состоянии научных кадров ЛОИИ по состоянию на 10 февраля 1953 г. за подписью зам. директора Института истории АН СССР А. Л. Сидорова и секретаря партбюро ЛОИИ Н. Е. Носова, 12 февраля 1953 года.
12. Там же, л. 147—148.
13. МАКСИМОВ Л. О журнале «Вопросы истории». — Большевик, 1952, № 13.
14. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 133, д. 303, л. 142. Докладная записка А. М. Румянцева и Ю. А. Жданова секретарю ЦК КПСС Н. М. Пегову.
15. Там же; докладная записка зав. отделом ЦК КПСС Румянцева и ответственного работника отдела А. В. Лихолата секретарю ЦК КПСС Г. М. Маленкову (там же, л. 24—30).
16. Отечественные архивы, 1992, № 3, с. 65—66.
17. Там же, с. 66—67.
18. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 133, д. 303, л. 140. Докладная записка Румянцева и Жданова секретарю ЦК КПСС Н. М. Пегову, 27 февраля 1953 г.; там же, л. 139. Докладная записка Румянцева секретарю ЦК КПСС Н. Н. Шаталину, 14 марта 1953 года.
19. Там же, л. 157—160. Докладная записка Косикова Отделу экономических и исторических наук и вузов ЦК КПСС (А. В. Лихолату), 25 февраля 1953 года.
20. Там же, лл. 155—156. Докладная записка Казьмина Румянцеву, 21 февраля 1953 года.
21. Там же, л. 28.
22. Там же, л. 150; ср. л. 28, 155, 158. В одной из докладных Кашин назван меньшевиком (л. 159), а в другой эсером (л. 142).
23. Там же, л. 150, 158.
24. Там же, л. 151, 158. Согласно следственному делу, название этой придуманной ОГПУ организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России».
25. Там же, л. 159.
26. Там же, л. 151, 141.
27. Там же, л. 158.
28. Там же, л. 28, 158.
29. Там же, л. 139, 142, 158.
30. Там же, л. 151.
31. Там же, л. 156.
32. Там же, л. 72.
33. Там же, л. 139.
34. Там же.
35. Архив Российской АН, ф. 2, оп. 6а, д. 103, л. 66—101.
36. Он к тому времени был уже уволен из ЛОИИ.
37. ПАНКРАТОВА А. Насущные вопросы советской исторической науки. — Коммунист, 1953, № 6, с. 57.
38. Архив С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН, ф. 298, оп. 1, д. 173. Б. А. Романов — Е. Н. Кушевой, 8 апреля 1953 года.
39. Там же. Романов — Кушевой, 25 апреля 1953 года.
40. Там же. Романов — Кушевой, 17 июня 1953 года.
41. Там же. Романов — Кушевой, 21 октября 1953 года.
42. Там же. Романов — Кушевой, 7 ноября 1953 года.